

© 2000 г.

В. Михеев,

доктор экономических наук,

заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Анализируя социально-экономическую модель Китая, следует сосредоточить внимание прежде всего на целях социально-экономической стратегии КНР и средствах их достижения, на структуре и иерархии тех и других. Разумеется, при этом большое значение имеет рассмотрение базовых черт модели, которыми является то или иное соотношение рыночных и командно-распределительных принципов функционирования китайской экономики. Такой подход позволяет сочетать анализ актуальных социально-экономических проблем Китая и осмысление вклада китайской теории и практики в арсенал концепций развития так называемых “переходных” экономик.

В последние два десятилетия китайская модель интенсивно эволюционировала, т. е. изменялись базовые принципы функционирования китайской экономики, структура и иерархия целей экономической стратегии и средств их достижения. Поэтому оценивать жизненность и эффективность китайской модели можно только с учетом этой эволюции, ее направленности на все больший отход от командно-распределительных принципов и все большее освоение рыночных механизмов. Особенность такого освоения – его постепенность, которая обеспечивалась *территориально-отраслевым* распространением рыночных механизмов и рыночной логики жизни китайской экономики. “*Территориальное*” в данном случае означает сначала охват рыночными (в отличие от командно-распределительных) механизмами специальных экономических зон и прибрежных районов Китая и лишь затем постепенное распространение их в глубь страны. “*Отраслевое*” – означает, что рынок “пришел” во все китайское хозяйство не в одночасье, а сначала в аграрную сферу, мелкий и средний бизнес, сферу услуг и экспортное производство. И лишь затем стал распространяться на другие отрасли экономики.

Для понимания существа китайской модели экономического развития важно учитывать, что в Китае понятие “*рыночная экономика*” не противопоставляют государственному регулированию как таковому; это понятие считают несовместимым именно с административным командно-распределительным механизмом, обслуживавшим взаимоотношения между хозяйственными субъектами в дореформенные времена. В этом смысле главным итогом развития китайской социально-экономической

модели к середине 90-х годов стал переход в основном к рыночному типу хозяйства.

О степени “рыночности” китайской экономики на современном этапе можно уже судить по существенному изменению соотношения экономической деятельности государства и деятельности частного сектора, по резкому сужению роли материально-вещественных ресурсов в реализации регулирующих функций государства и расширению роли финансовых ресурсов, по масштабам задействования механизмов саморегулирования хозяйственной жизни и т. д. На современном этапе содержание эволюции китайской социально-экономической модели уже не сводится просто к широте и глубине охвата экономики рыночными (в противопоставлении командно-распределительным) механизмами, а все больше включает процессы пересмотра целей и средств экономической стратегии КНР, осуществляемой на рыночных (в отличие от командно-распределительных) принципах. Не случайно, что именно к концу 90-х годов Китай уже, если так можно сказать, “дозрел” до постановки в практическую плоскость вопроса о вступлении в ВТО – организацию, работающую исключительно с рыночными хозяйствами – со всеми вытекающими из этого положительными и отрицательными последствиями для китайской экономики.

Своего рода концептуальным стержнем китайской социально-экономической модели стало активное использование зарубежного опыта, прежде всего опыта азиатских новых индустриальных стран (НИС) – Южной Кореи, Тайваня, Сингапура – применительно к китайским реалиям. Причем в связке “иностраннный опыт – реальные проблемы Китая” акцент делался на втором компоненте. При конструировании и реализации модели социально-экономического развития Китая первостепенное значение имел и имеет учет существа и остроты тех конкретных проблем, которые стоят перед китайской экономикой. Поэтому для характеристики того, в каком направлении эволюционирует социально-экономическая модель развития Китая, важно учитывать два обстоятельства: как результаты этого развития – реальное состояние (со всеми плюсами и минусами) китайского народного хозяйства, так и направление нынешних мер китайского руководства, принимаемых для решения возникающих проблем. Уже сам факт, что эти меры имеют реформистскую, рыночную направленность, многое говорит о содержании действующей модели.

Такой подход, как представляется, позволяет дополнить и уточнить то понимание китайской модернизации (характеризуемое сегодня уже не всем понятными терминами “социалистическая рыночная экономика”, “начальный этап строительства социализма”, “социализм с китайской спецификой”), которое складывается при ознакомлении с программными документами Коммунистической партии Китая.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ К КОНЦУ 90-Х ГОДОВ

Как это общепризнанно, старт китайским реформам был дан в декабре 1978 г. на III Пленуме ЦК КПК 11-го созыва. К тому времени для китайского руководства уже стали очевидными те потери, которые Китай понес в годы “культурной революции” и господства командно-административной хозяйственной системы. Несмотря на формально весьма высокие темпы экономического развития в 60-70-е годы (7-8% в год по среднегодовой динамике ВВП), в Китае ощущалась нехватка продовольствия, одежды, топлива, жилья, практически все предметы потребления распределялись по карточкам¹. Страна была на грани голодных бунтов и социально-политической дестабилизации. Внешнее окружение Китая – бывший “ревизионистский” СССР и “империалистические” США – воспринималось Пекином как источник непосредственной военной угрозы независимости страны. В таких условиях сама жизнь заставила китайское руководство – уже хотя бы для того, чтобы удержать миллиардное население Китая в относительном спокойствии и повиновении, сохранить власть в руках КПК и противостоять враждебному (в восприятии Пекина) внешнему давлению – пойти на трансформацию командно-административной экономической модели развития.

Выбранную стратегию перестройки китайской экономики нельзя оценить иначе, как успешную. За 20 лет реформ ВВП КНР вырос более чем в 20 раз – с 360 млрд юаней в 1978 г. (конечно, при определенной степени условности исчисления в стоимостных показателях ВВП страны, экономика которой базируется на принципах централизованного распределения капитальных и потребительских товаров) до 8,2 трлн юаней в 1999 году. Средние доходы населения за те же годы выросли в 17 раз, денежные сбережения – в 250 раз. Среднегодовые темпы прироста ВВП КНР в 80-90-е годы составляли примерно 10%, промышленности – 16%, сельского хозяйства – 7% и т.д. Китай сумел защититься от ударов азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг., удержав темпы экономического роста на уровне 7,8% в 1998 г. и 7,1% в 1999 году.

Анализируя модель социально-экономического развития Китая в заданном в данной работе ракурсе, можно констатировать следующее. Целевая направленность китайской модели заключалась в том, чтобы благодаря высоким темпам экономического роста обеспечить социально-политическую стабильность более чем миллиардного китайского общества и сохранить возможность консервации партийно-государственной системы власти (“внутренняя” цель) и преодолевать социально-экономическое и технологическое отставание Китая от развитых стран

¹ Подробнее см., например, научный доклад А.В. Островского “Основные направления экономической реформы в КНР, М., ИДВ РАН, 2000, с. 1-9.

мира (“внешняя” цель). Высокие же темпы экономического роста достигались **посредством предоставления постепенно все увеличивавшейся степени экономической свободы негосударственным источникам хозяйственной инициативы**. В то же время и так называемые “командные высоты” сохранялись в руках государства.

Основными компонентами стратегии высокого экономического роста стали:

- аграрная реформа, предоставившая крестьянам дополнительные права, в том числе по ведению хозяйства, реализации произведенной продукции, продаже права пользования землей. Сама земля при этом находится в собственности государства и продаже не подлежит;
- поощрение мелкого и среднего частного предпринимательства, особенно в торговле и сфере услуг;
- привлечение иностранного капитала и развитие экспортного производства с использованием известного мирового и в особенности азиатского опыта создания специальных экспортных зон с продвинутой производственной инфраструктурой и налоговыми льготами;
- государственный контроль над финансами, крупными промышленными предприятиями, транспортом, связью, системой социального обеспечения.

При этом, повторяю, любые преобразования носили постепенный характер.

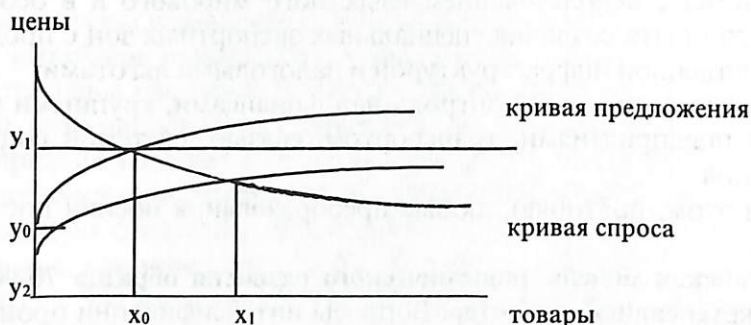
Китайская модель экономического развития образца 70-90-х годов носила экстенсивный характер. Вопросы интенсификации производства, улучшения качественных характеристик промышленного и бытового потребления до поры не выдвигались в число первоочередных. Исходя из данной модели, государство несло финансовое бремя по поддержанию на плаву убыточных крупных предприятий промышленности, негибких финансовых институтов, капиталоемкого топливно-энергетического комплекса, транспорта и производственной инфраструктуры.

Китайское руководство не использовало методов т. н. шоковой терапии и форсированной приватизации. Отчасти эта черта китайской экономической стратегии, отличающая ее от того, что мы наблюдали в России и Восточной Европе, была обусловлена политико-идеологической составляющей экономической модели развития Китая. Компартия Китая крайне настороженно относилась и продолжает относиться к тем направлениям экономического развития страны, которые могут или могли бы угрожать ее монополии на политическую власть. Сказывалось и традиционное для ортодоксального марксизма негативное или даже враждебное отношение к частной собственности. Следуя этому стереотипу китайское руководство или по крайней мере его наиболее консервативная часть долгое время считало частную собственность менее эффективной и полезной для общества по сравнению с государственной.

Вместе с тем, вряд ли было бы правомерным безоговорочно относить отказ от шоковой терапии и приватизации на счет исключительно идеологических табу и политических опасений китайского руководства.

Дело в том, что с теоретической точки зрения рыночное равновесие в экономике – вследствие высвобождения цен и приватизации государственных источников экономической инициативы – возникает далеко не по всем общественным потребностям. Проиллюстрируем это на двух графиках соотношения спроса и предложения. Как известно, в теоретически “чистых” и достаточно развитых рыночных экономиках цена товара и его необходимое количество определяются издержками производства, с одной стороны, и равновесием спроса и предложения, с другой (см. График 1).

График 1

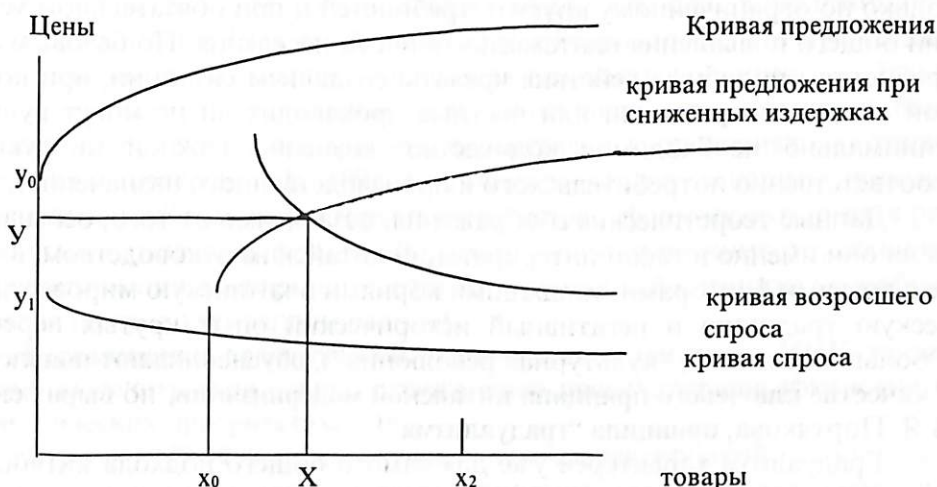
y_0 – уровень издержек производства товара
 y_1 – цена равновесия спроса и предложения
 y_2 – новый уровень издержек производства
 x_0 – количество требуемых товаров, иначе – величина потребности при данном уровне спроса и предложения
 x_1 – новый уровень спроса при новом уровне издержек
 $y_1 - y_0$ – прибыль

Задача производителя состоит в том, чтобы определить по возможности точно величину x_0 и добиваться снижения издержек производства до уровня y_2 , чтобы снизить цену, увеличить спрос до x_1 и при той же норме прибыли продать больше товаров и выручить абсолютно большую массу прибыли.

В переходных или менее развитых экономиках, к которым относится и китайская, ситуация иная. И только позже, по мере накопления капитала, освоения снижающих затраты технологий и роста платежеспособного спроса потребителя, она приходит в состояние, которое описывает представленный выше график.

На неразвитом рынке, т.е. при бедном потребителе, нехватке капитала и отсутствии передовых технологий, часто бывает так, что максимально допустимая для покупателя цена товара оказывается ниже издержек производства и, следовательно, неприемлемой для частного (т.е. работающего из соображений извлечения прибыли) производителя. Иными словами: потребность требует своего насыщения, но покупатель не может заплатить цену, которая бы покрыла издержки продавца-производителя. В результате: несмотря на то, что товары нужны обществу, их изготовление на основе логики извлечения прибыли невозможно. Графически это выглядит следующим образом:

График 2

x_0 – количество товаров, примерно нужных обществу

y_1 – фиксированная цена, по которой продаются или распределяются товары, пока их производство не достигло величины x_0

y_0 – издержки производства

При таких условиях предприятие не может производить товар в расчете на прибыль, поскольку величина $y_1 - y_0$ отрицательная. Разницу между издержками производства и ценой оплачивает государство, если оно считает данную потребность жизненно необходимой для общества. Рациональная деятельность государства, исходя из рыночной логики, должна быть направлена на снижение издержек производства и создание ситуации, при которой производителю станет выгодно, прибыльно работать на потребность.

Снижение издержек, как известно, связано с ростом производительности труда – вследствие укрупнения производства либо внедрения более продуктивных технологий. Укрупнение производства, достигая предельной величины, начиная с которой дальнейшее укрупнение при данной технологии уже не ведет к снижению издержек производства, порождает спрос на новую технологию и новые “идеи” труда. При этом для производителя может наступить соблазн бросить работу на старую потребность, поскольку ее дальнейшее насыщение не сулит роста прибыли, и переключиться на другую – в надежде с теми же затратами капитала извлечь более высокую прибыль. В этом случае “брошенная” потребность вновь объективно переключивается на государственный уровень видения, требуя нового варианта вмешательства со стороны государственных источников финансирования экономической инициативы.

Добиться увеличения прибыли можно и путем повышения цен выше уровня издержек производства. Однако на практике этот путь возможен только по ограниченному кругу потребностей и при обязательном условии общего повышения платежеспособности населения. По базовым потребностям подобные действия чреваты созданием ситуации, при которой люди – потребители или частные производители не могут купить минимально необходимое количество жизненно важной продукции (соответственно потребительского и производственного назначения).

Данные теоретические соображения, независимо от того, осознаются ли они именно в такой интерпретации китайским руководством, вместе с другими факторами, уходящими корнями в китайскую мировоззренческую традицию и негативный исторический опыт крутых перемен (“большой скачок”, “культурная революция”), обуславливают появление в качестве ключевого принципа китайской модернизации, по выражению В.Я. Портякова, принципа “градуализма”¹.

Градуализм характерен уже для самого общего подхода китайских аналитиков к модернизации Китая, под которой в широком плане понимается исторический процесс, берущий начало в XIX столетии и продолжающийся в XX и XXI веках. Этот принцип во многом определяет как саму эволюцию концепции модернизации Китая, так и скорости ее осуществления на практике. Принцип градуализма формирует и подход к соотношению базовых компонентов китайской экономической модели – плана и рынка.

Можно выделить три основных этапа эволюции китайской модели. На первом – 1978- 1984 гг. – был выдвинут лозунг “плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение”. Главное внимание в этот период уделялось реформированию деревни. В городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности пред-

¹ См. В.Я. Портяков “Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина”, М., 1998, с. 41-141.

приятий. В прибрежных районах создавались специальные экономические зоны, на тот момент изолированные от основной экономики.

На втором этапе – 1984 - 1991гг. – использовался уже иной лозунг: “плановая товарная экономика”. В этот период центр тяжести реформы приходился на город – на государственные промышленные предприятия и постепенную либерализацию цен на продукцию промышленности.

На третьем – с 1992 г. по настоящее время – китайские реформы проходят под лозунгом “социалистической рыночной экономики”. На этом этапе модернизация системы макрорегулирования и контроля со стороны государства над хозяйственной жизнью осуществляется на рыночных принципах.

За нюансами в лозунгах стоят различные трактовки китайскими теоретиками тех экономических моделей, которые применялись в Китае на каждом из этих этапов. Отличие концепции социалистической рыночной экономики от концепции социалистического товарного хозяйства наглядно видно уже по одному только несовпадению позиций в документах 1993 и 1984 гг. В 1984 г. констатировалось, что при социализме товарные отношения не являются всеохватывающими: “... Рабочая сила не есть товар, товаром не являются также земля, рудники, банки, железные дороги и все другие государственные предприятия, а также природные ресурсы”. В 1993 г. ставится задача ускорить процесс “маркетизации” цен на факторы производства, сформировать рынок рабочей силы, развивать фондовый рынок, рынок недвижимости, технических достижений, информации, отладить рыночный механизм ценообразования на право землепользования¹.

В реализации практической экономической политики КПК также можно выделить свои этапы, отражающие происходившие изменения в экономических приоритетах.

Период 1979-1980 гг. характеризуется корректировкой исторически унаследованных подходов к модернизации страны и определением контуров содержания понятия “модернизация” применительно к Китаю. В 1979 г. Дэн Сяопин выделил две важнейшие особенности Китая, которые определяют специфику модернизации китайского типа – слабость экономической основы и многонаселенность при ограниченности пахотных земель. Одновременно патриарх китайской реформы сформулировал четыре основных идеологических и политических принципа: отстаивать социалистический путь, диктатуру пролетариата, руководство Компартии, марксизм-ленинизм – идеи Мао Цзэдуна. Установки Дэн Сяопина: довести к концу века среднедушевой валовой национальный продукт Китая до 1000 долл., т.е. увеличить его примерно в четыре раза по сравнению с уровнем 1979 г., и построить к 2000 г. общество “скромного до-

¹ См. В.Я. Портяков “Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина”, М., 1998, с. 45-46.

статка” (“сяокан”) – послужили важнейшими структурообразующими параметрами при дальнейшей разработке концепции модернизации¹.

Период 1981-1988 гг. отмечен углубленной научной разработкой программы модернизации Китая до 2000 г., усилением акцента на реформу экономической системы в рыночном направлении. Китайское руководство приходит к выводу о необходимости третьего шага в осуществлении модернизации после 2000 г., рассчитанного примерно на 50 лет и нацеленного на достижение к середине наступившего века уровня средне-развитых стран по производству ВВП на душу населения. Более важное место в модернизации страны стало отводиться науке и технике. Долю продукции, производимой на основе новых и высоких технологий, предполагалось довести с 2% стоимости совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства в 1980 г. до 15% в начале нового тысячелетия. В середине 80-х годов в Китае началось создание первых технопарков.

В 1989-1991 гг. китайское руководство признает объективные трудности в осуществлении модернизации и в экономической политике ставит новые акценты – на “социалистическом характере” и “умеренности темпов” экономического развития Китая. В октябре 1988 г. Китай под давлением неконтролируемого развития с лета 1988 г. инфляционных процессов вынужден был притормозить процесс реформирования и перейти к курсу “оздоровления и упорядочения народного хозяйства” посредством ужесточения финансово-кредитной политики, ограничения полномочий регионов, усиления административного регулирования. Этот курс обострил противоречия внутри китайского руководства и в известной мере способствовал нарастанию политического кризиса, закончившегося силовым подавлением инакомыслия в рядах КПК, отставкой, опалой или эмиграцией ряда приверженцев реформ рыночного типа.

Вполне естественное в сложившейся ситуации усиление консервативной волны выразилось в критике “преувеличения” роли рынка и “недооценки” роли директивного планирования в период 1981-1988 гг., в официальных призывах к укреплению позиций сельского хозяйства и базовых отраслей промышленности при сдерживании роста в перерабатывающих отраслях.

Во избежание повторения сколько-нибудь серьезной социально-политической и экономической дестабилизации китайское руководство сделало выбор в пользу чисто эволюционного варианта экономического развития, требуя “не гнаться за скороспелыми результатами”, а, напротив, поддерживать народное хозяйство “в состоянии поступательного, стабильного и скоординированного развития”.

¹ См. там же. Надо, однако, заметить, что эти цели были достигнуты не полностью. ВВП Китая на душу населения в 1999 г. составил менее 900 долл., в 2000 г. составит, по прогнозам, примерно 950 долл. (“South China Morning Post”, Feb, 3, 2000).

В 1989-1990 гг. часть китайского руководства попыталась реанимировать верховенство директивного планирования и ограничить роль рыночного регулирования лишь сферой микроэкономики. Однако быстрое ухудшение макроэкономической ситуации в стране (в 1989 г. впервые за 27 лет физический объем розничной торговли упал на 7,6%), новая международная ситуация, прореформаторская позиция Дэн Сяопина обусловили в итоге активизацию преобразований рыночного типа. К сентябрю 1992 г. число цен на средства производства и транспортных тарифов, находящихся в ведении государственного Комитета по ценам и других центральных ведомств, сократилось до 89 по сравнению с 737 в 1991 г., при этом право установления цен по 571 виду продукции было передано предприятиям. В более чем 400 уездах с населением в 200 млн человек к концу 1992 г. были введены свободные цены на зерно.

Поражение командно-административной модели социализма в Восточной Европе и распад СССР стали серьезным вызовом идейно-теоретическим устоям и самому существованию КНР. Запланированные среднегодовые темпы прироста ВВП в 6%, с некоторыми оговорками приемлемые до 1991 г., уже к началу 1992 г. выглядели неадекватными изменившейся ситуации. Чтобы не стать подтверждением правоты известной американской "теории домино", Китаю необходимо было любыми средствами обеспечить развитие и наращивание совокупной мощи государства и улучшение жизни народа. Дополнительным аргументом в пользу более высоких темпов развития реформы стал усилившийся "тайваньский вызов". А в более широком контексте – вызов со стороны старых (Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур) и новых (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины) "азиатских тигров".

В период после 1992 г. ставка делалась на ускорение реформ посредством дальнейшей маркетизации экономики и включения Китая в мировые хозяйственные процессы. В Китае был сделан вывод о наличии внутренних и международных условий, делающих "необходимым и возможным" вступление Китая в этап "сравнительно быстрого развития, сочетающегося со сравнительно хорошей эффективностью". В 1992 г. КПК приняла решение об увеличении среднегодовых темпов прироста ВВП в 90-е годы до 8-9% вместо прежних 6%, а задача четырехкратного увеличения ВВП с 2000 г. была перенесена на 1997 г. Особое внимание придавалось ускоренному развитию машиностроения, электронной, нефтехимической и автомобильной промышленности, строительной индустрии (перечень "опорных отраслей", похоже, был позаимствован из опыта Южной Кореи).

Вместе с тем, начавшаяся с середины 1993 г. борьба с новым "перегревом экономики", увеличение числа убыточных предприятий в промышленности, нарастание разрыва в доходах жителей города и деревни, приморских и внутренних районов способствовали формирова-

нию в Китае более взвешенной оценки перспектив дальнейшей модернизации Китая. Оценки, учитывающей разного рода ограничители экономического роста, задачи оптимизации структуры производства, региональные и социальные аспекты проблемы. Такой подход нашел отражение в утвержденном в 1996 г. 9-ом пятилетнем плане экономического и социального развития Китая на 1996-2000 гг. и долгосрочной Программе развития до 2010 года. Исходя из провозглашенной Пекином объективной необходимости поддерживать высокие темпы роста (порядка 8% в год по динамике ВВП), Программа предусматривает удвоение объема ВВП к 2010 г. по сравнению с 2000 годом. Вместе с тем, достижение всего комплекса целей модернизации в Китае уже увязывается не столько с темпами роста, сколько с завершением двух “стратегических переходов”: от планового хозяйства к социалистической рыночной экономике и от экстенсивных к преимущественно интенсивным методам экономического развития¹.

Ведущим признаком китайского градуализма в российской и зарубежной литературе считается отказ от одномоментной всеохватывающей либерализации цен и быстрой приватизации государственного сектора экономики. В самом же Китае главной сущностной характеристикой градуализма склонны считать так называемую “двухколейность”, то есть достаточно длительное сосуществование двух хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной. А также осторожное, дозированное увеличение доли рынка и параллельное свертывание сегмента экономики, регулируемого директивным планом, и постепенную замену централизованного распределения материальных ресурсов их приобретением на формирующемся рынке средств производства. “Двухколейность” в более широком смысле включает в себя заметное сокращение доли государственного сектора при увеличении доли экономики других форм собственности, сосуществование твердых или регулируемых государственных цен и постепенно занимающих доминирующие позиции свободных цен.

Вместе с тем, подавляющее большинство ученых-экономистов в самом Китае не абсолютизируют и не идеализируют принципы градуализма и тем более не считают его универсальным рецептом, применимым в любой ситуации. Открыто признается, что градуализму на практике оказались присущи серьезные недостатки: был упущен ряд возможностей для более эффективного проведения реформ, длительное сосуществование старых и новых институциональных структур в рамках “двухколейной экономики” неизбежно усиливало инфляционное давление на экономику, подхлестывало распространение незаконных способов обогащения и общее усиление неравенства в распределении доходов. И тем не менее в

¹ Подробнее см. В.Я. Портяков “Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина”. М. 1998, с. 86-100.

той конкретной ситуации, в которой оказался Китай в начале реформ, плюсы постепенности преобразований все же перекрыли ее минусы и побочные издержки.

У китайского градуализма есть и свои политические корни. Градуализм процесса реформ в КНР в немалой степени объясняется разногласиями в китайском руководстве относительно целей и методов преобразований, наличием противоборства внутри КПК между теми силами, которые принято называть прагматиками или технократами, и теми, кого именуют ортодоксами или консерваторами.

Градуализм характерен также и для **“внешнего фактора” китайской модели модернизации, носящей название “политики открытости”**. Использование Китаем многообразных форм территориальной внешнеэкономической открытости позволило привлечь в народное хозяйство страны за 1979-2000 гг. примерно 250 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. Своеобразной визитной карточкой китайской политики открытости стали специальные экономические зоны **“первой волны”** – Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу в провинции Гуандун и Сямэнь в провинции Фуцзянь. Их появление и развитие позволило Китаю осуществить своего рода апробацию не только тех или иных методов привлечения техники и капиталов из-за рубежа и развития на этой основе экспортноориентированных производств. Накапливался опыт реализации и многих важных направлений собственно экономической реформы, таких, как реформа системы цен и заработной платы в 80-е годы, создание биржи ценных бумаг на рубеже 80-90-х годов (Шэньчжэнь), реформа системы социального страхования и пенсионного обеспечения в 90-е годы.

В целом же весьма успешное функционирование специальных экономических зон сыграло важную роль в популяризации в Китае идеи рыночных преобразований, в создании в известном смысле национального прообраза рыночной экономики в рамках небольших территориальных анклавов, наконец, в налаживании и расширении масштабов взаимодействия экономики КНР с мировым хозяйством.

Именно в специальных экономических зонах начал формироваться современный китайский рынок ценных бумаг, представляющий собой один из наиболее емких показателей уровня зрелости рыночных институтов и своего рода барометр макроэкономической ситуации. В настоящее время в КНР осуществляется торговля облигациями государственного займа, облигациями ряда предприятий, акциями нескольких сот компаний, паями инвестиционных фондов.

В 90-е годы рынок ценных бумаг Китая вышел из стадии экспериментирования и обрел высокую динамику роста. Так, объем торговли на биржах ценных бумаг в Шанхае и Шэньчжэне акциями типа А, предназначенными для отечественных инвесторов и населения (число держате-

лей акций в стране достигает 33 млн чел.), вырос с 0,6 млрд долл. в 1991 г. до 250-300 млрд долл. к концу 90-х.

Китайское руководство, однако, осознавая важность полноценно функционирующего рынка ценных бумаг для развития рыночной экономики в целом, не стремится тем не менее сколько-нибудь искусственно форсировать его рост, обращая первостепенное внимание на оперативное пресечение спекулятивных тенденций, чреватых опасным отрывом данного сегмента экономики от материального производства. Пусть даже если это достигается и за счет "недополучения" портфельных инвестиций.

В целом, в настоящее время экономика Китая "маркетизирована" примерно на две трети. Доля промышленного производства, производимого в рамках директивного плана, не превышает 5%. В 1995 г. по ценам, установленным государством, было реализовано только 15,6% средств производства и 8,8% общественного розничного товарооборота. По структуре форм собственности Китай сегодня фактически являет собой смешанную экономику с долей государственного сектора в ВВП страны около 40%.¹

Вместе с тем, **качество экономического роста** в Китае в период после 1978 г. оставалось далеко не идеальным. Развитие страны опиралось главным образом на высокую норму накопления (35% и более), постоянную инвестиционную и кредитную накачку, характеризовалось низкой эффективностью использования ресурсов, серьезными диспропорциями, среди которых наиболее опасными являются нарастающий разрыв в уровнях развития между приморскими и внутренними районами страны, между городом и деревней. Китай оказался чрезмерно зависим от высокой экономической динамики, необходимость поддержания которой постоянно затягивала страну на **ресурсо-затратный вариант расширенного воспроизводства** и существенно ограничивала простор для структурного маневра. Китаю не удалось пока провести структурную перестройку экономики. **В середине 90-х годов появились вполне очевидные признаки снижения эффективности стратегии экономического развития**, в значительной мере базировавшейся на форсированном росте производства и экспорта трудоемкой продукции (текстиль, обувь, широкий спектр бытовой техники длительного пользования). Задуманное же плавное перемещение центра тяжести индустриального развития на новую группу ведущих отраслей – машиностроение, электронику, автомобилестроение, нефтехимию, строительство – реализуется с гораздо большими трудностями, чем ожидалось.

¹ Подробнее см. В.Я. Портяков "Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина". М. 1998, с. 90.

“СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ”

Споры о том, что представляет из себя социализм с китайской спецификой продолжают в нашей стране примерно столько, сколько идут китайские реформы. **Ответ на этот вопрос зависит от того, что вкладывается в понятие социализм.** Если исходить из трактовки социализма как общества всеобщего благоденствия, приходящего на смену современной капиталистической экономике, как общества постпостиндустриального типа, то социализм с китайской спецификой означает лишь то, что Китай находится от такого рода социализма на гораздо большем расстоянии, чем Западная Европа и США. Тогда “социализм с китайской спецификой” есть догоняющий вариант развития конкретной страны под названием Китай, идущей по стопам мировых лидеров.

Если понимать под социализмом, как это было принято в классической политэкономии социализма, общество без частной собственности или общество бывшего советского типа, то “китайская специфика” означает, скорее всего, то, что Китай еще находится на начальной, незрелой стадии построения такого рода “классического”, “государственного” социализма, на которой (стадии) частная собственность еще может играть позитивную роль в развитии производительных сил страны.

Если понимать под социализмом сегодня реально существующие западноевропейские рыночные демократии, уделяющие большое внимание вопросам защищенности личности от превратностей экономической судьбы, то специфика Китая опять же в его отсталости, в отсутствии ресурсов для осуществления широкомасштабных социальных программ. А также, если в словосочетании “рыночные демократии” выделить термин “демократии”, в монополии компартии на политическую власть.

Если ориентироваться на весьма популярные среди китайских реформаторов тезисы о том, что “не важно, какая кошка, лишь бы ловила мышей” или: “сначала построим процветающее общество, а затем дадим ему название”, то понятие “социализм с китайской спецификой” означает больше дань недавнему коммунистическому прошлому китайских лидеров и китайского общества, чем несет концептуальную нагрузку.

С позиций же прагматического анализа действительности и представленной в данной работе трактовке существа модели социально-экономического развития Китая, термин “социализм с китайской спецификой” имеет весьма конкретное содержание. Это – создание рыночной экономики, интегрированной в мировые хозяйственные связи и мировой научно-технический прогресс при сохранении политической власти в руках Коммунистической партии Китая. Насколько долго может сохраняться “рыночный авторитаризм” – вопрос будущего. Опыт азиатских НИС, в частности, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура показывает, что, начиная с определенного уровня общественного благосостояния, по-

требности элиты общества и потребности сформированного среднего класса в демократии начинают вытеснять из общественной жизни потребности властей в сохранении своего господствующего положения любой ценой. На этом уровне социально-экономического развития вопрос о приведении политической системы общества в соответствие с экономической может переходить и, как правило, переходит в плоскость демократических перемен.

В Китае, оправдывая свой, специфически китайский, вариант сочетания экономической и политической моделей – рыночная экономика при монополии компартии на политическую власть – любят ссылаться на опыт тех же Сингапура, Тайваня, Южной Кореи. В этих странах действительно авторитаризм не мешал, а способствовал на начальных этапах модернизации и экономическому процветанию. Проблема, однако, в том, что коммунистические и военно-бюрократический режимы в Азии имеют по меньшей мере одно существенное различие между собой. Это различие касается отношения к частной собственности. Коммунистические режимы воспринимают частную собственную враждебно, настороженно, затем – вынужденно примирительно, затем ... в этом месте прагматизм режима проверяется на прочность. Военно-бюрократические режимы Азии безусловно поддерживают частную собственность. Различие в отношении к частной собственности определяет различия в экономической эффективности двух моделей: рынок плюс власть компартии (“социализм с китайской спецификой”) и рынок плюс военно-бюрократические режимы (Южная Корея и Тайвань до начала 90-х годов). Второй вариант оказывается на практике эффективнее – в том числе и по причине положительного отношения к частной собственности.

Не случайно Китай вынужден вносить коррективы в определение места и роли частной собственности в своей модели развития. Первоначально частная собственность признавалась эффективным компонентом системы только, если она носила формы мелких и средних предприятий или находилась в руках иностранцев. Внесенные в конце 1999 г. изменения в Конституцию страны, признающие за частной собственностью такие же права, какие имеются и у государственной собственности, подводят правовую базу под китайскую многоукладность. Следующий шаг, который должен будет сделать Китай, идя по пути азиатских НИС, – это признание частной собственности на землю и приватизация крупных государственных предприятий и финансовых институтов. Шаг трудный и не однозначный по своим социальным и политическим последствиям, а потому требующий точного выбора времени для его осуществления.

Эволюция отношения Китая к частной собственности задает направление эволюции не только социально-экономической, но и политической модели китайского общества.

Трактовка “социализма с китайской спецификой” как рыночной, интегрирующейся в мировой рынок экономики при сохранении монополии компартии на власть, как представляется, позволяет конкретнее и яснее представить место Китая на современной политико-экономической карте мира и понять пути дальнейшей эволюции китайского общества.

Приписывание же китайскому социализму какой-то полумистической “специфичности”, или, более того, социальной ориентированности проводимых экономических реформ, как представляется, только затуманивает ситуацию. Как справедливо отмечал В.Я. Портяков, “нередкие дискуссии о том, можно ли считать рыночную экономику Китая социально ориентированной, порождены, на наш взгляд, неправомерным отождествлением весомого социального измерения экономических преобразований в Китае с понятием социально ориентированной рыночной экономики, предполагающей совершенно иной, чем в КНР, уровень экономического благосостояния и социального обеспечения. КНР еще долго не сможет претендовать на статус “социально ориентированной рыночной экономики” в классическом значении этого понятия”¹.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Финансовый кризис в Азии 1997-1999 годов поставил перед азиатско-тихоокеанским сообществом, частью которого является и Китай, ряд острых вопросов: как эффективнее адаптироваться к вызовам глобализации мировой экономики, использовать ее возможности для экономического роста и при этом избежать негативных последствий глобализации? Каким образом синхронизировать экономическую и финансовую политику стран АТР и приступить к мониторингу внутрирегиональных и межрегиональных финансовых потоков – с тем, чтобы уберечься от новых финансовых катаклизмов и вместе с тем не пойти по пути запретительного контроля над деятельностью иностранного капитала? Как, наконец, сочетать политику открытости – обязательной предпосылки и одновременно следствия растущей экономической взаимозависимости стран – с обеспечением национальных экономических интересов и экономической безопасности?

Своего рода азиатским вариантом ответа на глобальные экономические вызовы стал азиатский регионализм, отражающий усиливающуюся экономическую взаимозависимость стран АТР и их растущую общую заинтересованность в развитии азиатско-тихоокеанской экономической интеграции. При этом объективно в АТР существует три центра – реальной либо потенциальной – экономической интеграции, три главных игрока на региональном интеграционном поле: США, Япония и

¹ Подробнее см. В.Я. Портяков “Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина”. М. 1998, с. 93.

Китай, чья доля в мировом ВВП составляет соответственно 25%, 15% и 3%¹. Роль США и Японии в развитии экономической интеграции в АТР достаточно ясна: интеграционное взаимодействие азиатских экономик раскручивается вокруг транснациональных американских и японских корпораций. Кроме того, в последние годы США пытаются каким-то образом институализировать региональную интеграцию в рамках форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Китаю же еще предстоит определиться с тем, какую роль и как именно он будет играть в экономике АТР.

Существующий разброс мнений о месте Китая в развитии азиатского регионализма весьма широк. От признания за Китаем в ближайшие 15-20 лет роли центра азиатской интеграции² до трактовки Китая как главной угрозы плавному и стабильному экономическому развитию региона³.

Азиатский финансовый кризис, непосредственно не затронувший закрытую финансовую систему Китая, тем не менее оказал серьезное косвенное воздействие на китайскую экономику, обострив накапливавшиеся здесь проблемы. С другой же стороны, готовность азиатских стран к многостороннему сотрудничеству перед угрозой повторения кризиса предоставляет Китаю новые возможности решения реальных проблем своей экономики и, на этой основе, **корректировки модели социально-экономического развития страны.**

В конце 90-х годов Китай столкнулся с принципиально новыми для себя экономическими проблемами, связанными уже не с переходом от командной экономики к рыночной, а с логикой функционирования самой рыночной экономики. Не с переходом от политики автаркии к открытости, а с вовлеченностью Китая в мировую экономику, влиянием мировых экономических процессов на экономику Китая и обратным влиянием того, что происходит в китайской экономике, на азиатско-тихоокеанское и мировое хозяйство. К таким острым проблемам относятся проблемы дефляции, государственного долга, реформирования банковской системы и государственных предприятий, выбор оптимального валютного курса, поддержание темпов роста экспорта, обеспечение энергетической безопасности, рост безработицы.

Дефляция. Проблема дефляции за последние два-три года превратилась в одну из серьезнейших проблем мировой экономики. В 1998-1999 гг. уже и в Китае впервые наблюдалось падение внутренних цен на 1-2%⁴. Очевидная опасность дефляции в том, что вслед за падением цен насту-

¹ "Эксперт", №22, 14 июня 1999, с. 4 Приложения, со ссылкой на данные Минэкономики РФ, "The Economist", 1999, N 21, p. 95.

² "China Engagement", World Bank, 1998, p.63-64.

³ Такое мнение распространено в странах Юго-Восточной Азии, в консервативных антикитайски настроенных научных кругах США, Японии, России.

⁴ Чжунго тунцзи чжайяо 1999. Пекин. 1999. с. 66-80.

пает падение внутреннего спроса, чреватого в условиях рыночной экономики снижением деловой активности и падением производства. В Китае одним из факторов дефляции стало сокращение в 1998-1999 гг. практически до нуля темпов роста экспорта – как косвенного следствия азиатского финансового кризиса, – в результате чего увеличилось предложение товаров на внутреннем рынке без соответствующего увеличения платежеспособного спроса. Другой причиной продолжающегося уже на протяжении двух лет снижения индекса цен на средства производства и потребительские товары является структурная несбалансированность в экономике. Сохраняющаяся или в лучшем случае лишь постепенно отмирающая государственная поддержка неэффективных крупных предприятий приводит к перепроизводству традиционной для китайской экономики номенклатуры товаров, что ведет к превышению предложения над спросом с соответствующими ценовыми последствиями.

Китайская экономическая мысль внимательно следит за тем, как решаются проблемы дефляции в развитых странах. На вооружение, как представляется, берется японская модель увеличения внутреннего спроса за счет крупных инвестиций в общественные работы – строительство дорог, мостов, дамб, а также в жилищное строительство.

Государственный долг. Стимулирование роста внутреннего спроса за счет крупных государственных расходов приводит к росту дефицита государственного бюджета, который, по официальным данным, возрос с 0,8% ВВП в 1996 г. до 1,2% ВВП в 1998 г. и до 1,8% ВВП в 1999 году¹. Учитывая же, что в Китае традиционно относят в доходы бюджета поступления от реализации государственных ценных бумаг государственным банкам, реальный дефицит госбюджета возрастает до 20% ВВП. Вместе с тем, на фоне других азиатских экономик ситуация с государственными финансами в Китае не выглядит столь плохой. Большой резерв для инвестиций в экономику составляют частные накопления, достигающие 60% ВВП, а общий объем внутреннего и внешнего государственного долга находится лишь на уровне 32% ВВП. Эти обстоятельства, равно как и 150-миллиардные (в долларах США) валютные резервы Китая, позволяют международным компаниям, занимающимся оценкой инвестиционных рисков, считать общую финансовую ситуацию в Китае не столь уж и плохой.

Реформа государственных предприятий и рост безработицы. Преобразование государственных предприятий в разного рода компании – полностью основанные на государственном капитале, с контрольным паем государства, акционерные компании, компании с ограниченной ответственностью, – более четкое определение прав и интересов инвесторов и обязательств предприятий перед ними, совершенствование статуса

¹ "The Economist", N 21, p. 91.

предприятий как юридических лиц, располагающих самостоятельными имущественными правами, что открывает путь к ответственности именно предприятий, а не государства, за результаты хозяйственной деятельности, научная проработка “внутрифирменного” управления – таковы основные подходы к созданию “системы современных предприятий” в Китае. Нынешняя реформа стала уже пятой по счету концепцией реструктуризации госпредприятий. Ей предшествовали: расширение хозяйственной самостоятельности предприятий в 1979-1980 годах. Система хозяйственной ответственности, внедренная в 1981-1983 годах. Замена отчислений прибыли государству налогами в 1984-1986 гг., введение подряда на перечисление прибыли государству с 1987 г. В конце 90-х годов особое внимание уделяется реформированию тысячи крупнейших предприятий путем акционирования, создания корпораций и т.п.

Однако данная реформа, как и любая структурная перестройка, не обходится без социальных издержек: в Китае наблюдается всплеск безработицы. По данным специальных социологических исследований, сегодня число официально зарегистрированных городских безработных превышает 5 млн человек. Кроме того, число фактических безработных в городе составляет около 30 млн человек. Плюс к этому 180 млн человек в сельской местности, занятых менее трех месяцев в году. Цифра получается огромная – 215 млн безработных, или около трети трудоспособного населения.¹

В свою очередь рост числа безработных ведет к увеличению количества нелегальных эмигрантов из Китая в соседние страны Юго-Восточной Азии, США, Японию и Россию. Учитывая численность китайского населения, даже незначительное – в процентном отношении – увеличение потока нелегалов в соседние страны не просто осложняет социальную обстановку в последних, но и превращает проблему китайских нелегальных иммигрантов в проблему регионального уровня.

Задача увеличения экспорта и проблема валютного курса. Приостановка роста китайского экспорта и относительное падение конкурентоспособности китайских товаров с конца 1997 г. до середины 1999 г., когда рост китайского экспорта возобновился, стало косвенным следствием азиатского финансового кризиса. Кризис вызвал обвал ряда азиатских валют и тем самым, во-первых, поставил экспортеров из этих стран в более выгодное по сравнению с китайскими конкурентами положение на мировых и региональных рынках. А, во-вторых, уменьшил импортный спрос азиатских государств на китайскую продукцию. С точки зрения национальных интересов китайской экономики, естественным ответным ходом Китая должна была бы стать девальвация китайского юаня, что

¹ Специальный доклад “Рынок труда в Китае”, подготовленный учеными-социологами Китайского Народного Университета (КНУ) для совместной конференции ученых ИДВ РАН и КНУ в ноябре 1999 г. в Москве, Пекин, 1999, с. 3-4.

восстановило бы азиатские и мировые позиции китайского экспорта. Однако мощное политическое давление на Китай его соседей по региону с требованием не девальвировать юань и опасения самого китайского руководства относительно того, что девальвация юаня может вызвать новую волну региональных финансовых потрясений с новыми негативными последствиями и для китайской экономики, удержали Пекин от на первый взгляд очевидного шага – девальвации национальной валюты в ответ на, пусть и вынужденную, девальвацию азиатских валют.

Социальная политика Китая может быть охарактеризована как весьма жесткая. Жесткость проявляется, во-первых, в распространении системы социального обеспечения лишь на часть населения – главным образом на рабочих государственных предприятий и государственных служащих. Тем самым социально в менее благоприятном положении остается огромная масса крестьянства. Во-вторых, в политике ограничения рождаемости и возложении финансовой ответственности за второго и последующего детей на родителей. С жесткой демографической политикой Китай связывает надежды предотвратить рост населения за рубежом в 1,5-1,6 млрд человек к середине нынешнего века, а затем добиться постепенного снижения населения примерно до 1 млрд человек, что признается оптимальным уровнем для Китая. В-третьих, – в начавшейся в конце 90-х годов постепенной коммерциализации системы социального обеспечения. Последнее обстоятельство во многом связано с ожидаемым старением китайского населения: доля граждан в возрасте старше 65 лет возрастет в Китае с 6,7% населения в 1995 г. и 7,0% в 2000 г. до 11,4% в 2020 г., 15,3% в 2030 г. и 20,1% в 2040 году.¹ Нагрузка на государство и на работающих граждан, если не проводить социальную реформу, практически троекратно возрастет.

Жесткость социальной политики Пекина обусловлена, с одной стороны, огромной численностью населения КНР и ограниченностью финансовых ресурсов, а с другой – нацеленностью социально-экономической модели развития Китая на высокие темпы экономического роста, а на современном этапе – на повышение экономической эффективности, пусть даже за счет социальных издержек. Повышение жизненного уровня населения рассматривается в Китае как следствие ускоренного развития экономики и укрепления международных позиций Китая, но пока не как главная цель хозяйственной стратегии.

Современная реформа социальной сферы Китая берет начало с 1993 г. и имеет своей целью адаптировать прежнюю, сложившуюся во времена командно-распределительного социализма, систему социального обеспечения к новым рыночным условиям. При этом в Китае по существу сохраняется старая четырехуровневая система социального обеспече-

¹ Hou Wenrou, Reform of the Social Security System in China, Beijing, 2000, p.38.

ния, ставящая получателей благ от государства в неравное положение – в зависимости от рода их профессиональной деятельности.

На первом уровне государство обеспечивает городским и сельским жителям прожиточный минимум, который не позволяет доходам людей опуститься ниже официально установленной черты бедности. Для Пекина, например, такой уровень определен в 250 юаней в месяц на человека (около 30 долл. США). Семьям, чьи доходы ниже этого уровня, государство доплачивает разницу из специального фонда.¹

Второй уровень социального обеспечения охватывает исключительно городское население, оставляя “за бортом” порядка 75% населения Китая, живущего в деревнях. На этом уровне практически всем городским трудящимся обеспечивается социальное страхование, медицинское обслуживание, выплата пенсий, пособий по нетрудоспособности, пособий по безработице и т.п.

Третий уровень предполагает покрытие расходов и городского и сельского населения на образование, жилье и другие составляющие понятия “социальное благосостояние”. Это своего рода, как полагают в Китае, “социальная зарплата” трудящихся.

Четвертый уровень социального обеспечения охватывает лишь ограниченное число государственных служащих и лиц, “имеющих заслуги и пользующихся уважением в обществе”. Государственные служащие и члены их семей получают преимущества в зарплате, распределении жилья, медицинском обслуживании и т.д., покрываемые за счет государственных расходов.

Проводимые в Китае реформы социальной системы осуществляются исходя из рекомендаций Международной организации труда и мирового опыта. Так, например, пенсионная реформа – основной элемент системы социального обеспечения – осуществляется с использованием сингапурского и чилийского опыта и подразумевает введение наряду с государственными индивидуальными накопительными пенсионными счетами. Целям уменьшения социальной нагрузки на государство отвечают и постепенно внедряемая система платного образования и постепенный отказ от бесплатного распределения жилья. Параллельно предпринимаются попытки по развитию сети банковского кредитования расходов населения на учебу и жилье.

Вместе с тем наиболее сложной остается ситуация в деревне. У китайского государства сегодня нет средств для выравнивания социальных условий жизни людей в городе и деревне. Для накопления таких средств или для полноценного запуска негосударственной системы социального обеспечения на селе Китаю потребуется, вероятно, не одно десятилетие.

¹ Ibid., p.35.

Кроме того, экономическое развитие Китая ставит свои новые социальные проблемы. В последнее время в китайской научной литературе появляется много трудов, обращающих внимание на негативные стороны китайской реформы¹. К одной из острейших проблем китайские исследователи не без оснований относят социальное расслоение населения и концентрацию богатства в руках немногих при преобладании в социальной структуре общества людей малоимущих. По данным специального социологического обследования, проведенного китайскими учеными, в 1995 г. 7% наиболее богатых семей Китая обладали 30% всех денежных средств страны, тогда как на 40% бедных и малообеспеченных семей приходилось менее 12%.

Данная проблема имеет и еще одну сторону – моральную, связанную с традиционным для Китая отношением к частной и государственной собственности. По этому поводу О.Н. Борох пишет: “В условиях господства социалистической этики в 50-70-е годы в Китае пропагандировалось бескорыстие и утверждался приоритет “общего” над “частным”. В теории критиковалась идея “неприкосновенности частной собственности”, в правовом отношении частная собственность не была защищена. В сознании людей между частным и общественным отсутствовала принципиальная разница, поскольку каждый считал себя совладельцем общественной собственности”. И далее: “представление о частной собственности как источнике всех бед и критика священной неприкосновенности частной собственности в скрытой форме рационализируют экономическую этику “засовывания руки в чужой карман” ... искаженное понимание частного и общественного способствовало тому, что в процессе рыночных преобразований общественная собственность перетекала в руки частных лиц, государственное имущество открыто растаскивалось, общественные средства использовались на личные нужды и все это считалось вполне допустимым”.²

Попытки решать социальные проблемы за счет коммерциализации системы распределения жилья, образования и здравоохранения, объективно отвечая задачам повышения общей экономической эффективности, лишь увеличивают разрыв между теми, кто сумел заработать или “прикарманить” деньги и теми, кто этого не смог сделать по объективным или же субъективным причинам.

Энергетическая безопасность. Прогнозируя быстрый – на уровне 3,3% в год – рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах в 2000-2010 гг., китайские аналитики указывают на грозящую нехватку на-

¹ Подробнее см. О.Н. Борох по проблемам китайской научной мысли, в частности, “Экономические и социальные проблемы китайских реформ в исследованиях Хэ Цинлянь” в монографии “Актуальные проблемы экономики КНР”, М., ИДВ РАН, 1999, с. 3-53.

² Там же, с. 31.

циональных запасов нефти, газа и угля для удовлетворения соответствующего спроса китайской экономики на энергоносители. При этом они увязывают китайскую энергетическую безопасность с азиатско-тихоокеанской энергетической безопасностью в целом. “Без китайского участия и без сотрудничества с Китаем энергетическая безопасность АТР представляется недостижимой,” – пишет один из ведущих китайских ученых в этой области¹. В качестве тревожного сигнала китайские ученые ссылаются на прогноз роста доли стран АТР (без США и без России) в мировом потреблении энергоресурсов до 28% к 2010 г., тогда как их доля в мировых запасах газа к тому времени будет находиться лишь на уровне 7%, а нефти – 4%. Выход из возможного кризиса Китай видит в налаживании региональной кооперации, в том числе и с участием Японии и России, в области азиатской энергетической безопасности.

Реформирование банковской системы. На этом компоненте китайской реформы важно остановиться поподробнее, поскольку в условиях замены командно-распределительного принципа функционирования китайской экономики на рыночный именно направление эволюции финансовой системы будет в решающей степени определять эволюцию социально-экономической модели развития Китая в целом.

При обсуждении проблем развития финансово-банковской системы современного Китая приходится сталкиваться с двумя противоположными мнениями. Западные аналитики склонны считать ее слабой, несвоевременной и находящейся в предкризисном состоянии. В России, напротив, многие видят в китайской финансово-банковской системе основу стабильности китайской экономики и чуть ли не образец для подражания в процессе перехода от социалистической распределительной к рыночной экономике.

Тезис, отстаиваемый в этой работе, состоит в том, что сила и слабость китайской финансово-банковской системы обусловлена одним и тем же обстоятельством – ее **адекватностью реальной экономике** Китая, находящейся пока лишь на пути к полноценному рыночному хозяйству западного образца. Как отмечалось выше, в 90-е годы функционирование китайской экономики осуществляется уже при использовании рыночных, а не командно-распределительных механизмов. Отсюда следует, что и финансово-банковская система Китая занимается обслуживанием кредитно-денежных потоков, а не учетом централизованно распределяемых материальных ресурсов. С другой стороны, сфера действия логики рыночной экономики в Китае все еще существенно ограничена государственным вмешательством (например, убыточные промышленные предприятия нередко не банкротятся, а получают финансовую подпитку со

¹ Ji Guoxing. “China versus Asian Pacific Security” in “The Korean Journal of Defense Analysis”, 1998, Winter, p.112.

стороны государства), тянет за собой и ограничение рыночной логики функционирования всех финансовых институтов страны.

Если взглянуть на финансово-банковский сектор Китая с позиций развитой рыночной экономики, то можно выделить следующие его слабые компоненты.

Во-первых, это большой объем невозвратных (“плохих”, т.е. просроченных и безнадежных) кредитов. По разным оценкам, он достигает от 200 до 400 млрд долл., что составляет от 20% до 40% остатка непогашенных кредитов (902 млрд долл. на конец 1997 г. и 1042 млрд долл. на конец 1998 г.) и примерно такую же долю от ВВП Китая. Данный показатель выше, чем в других странах Восточной Азии – Японии, Южной Корее, на Тайване. Главная причина “плохих кредитов” кроется в сохраняющихся элементах планирования, наложенных на систему рыночных отношений¹.

Несмотря на то, что с начала 1998 г. директивно планировавшиеся “лимиты кредитования” были отменены и коммерческие банки стали более свободны в своей кредитной политике, так называемое “направляющее”, т.е. индикативное, планирование для государственных банков сохранилось. К примеру, в апреле 1998 г. индикативный годовой план прироста кредитования основных фондов для госбанков был увеличен с 270 млрд юаней до 370 млрд юаней (8,3 юаня = 1 долл.). Кроме того, государственные банки просто обязываются правительством финансировать государственные предприятия вне зависимости от результатов их хозяйственной деятельности. Доля “плохих долгов” государственных предприятий в общем объеме “плохих долгов” составляет около 70% по долгосрочным и 55% по краткосрочным кредитам².

Во-вторых, это неэффективное использование кредитных ресурсов. Отношение показателя М2 (деньги в обращении плюс все депозиты) к ВВП достигло в настоящее время 130% – один из самых высоких показателей в мире. При этом объем депозитов населения в банках составляет более 600 млрд долл. (по 500 долл. на душу населения), т.е. свыше 60% ВВП. Задача превращения сбережений в инвестиции является одной из ключевых для китайской банковской системы. Её решению препятствует монополия четырех государственных банков, на которые приходится 90% сбережений и более 70% инвестиций, на рынке капиталов. Государственные банки финансируют в основном государственные предприятия, куда в 90-е годы поступало 85-90% всех выданных госбанками кредитов, и продолжают настороженно относиться к частному бизнесу несмотря на конституционное закрепление его статуса.

¹ “Far Eastern Economic Review”, December 10, 1998. (электронная версия журнала).

² См. В.В. Михеев, В.Я. Портяков “Финансово-банковский сектор Китая: сгусток проблем или образец для подражания?”, “Деньги и кредит”, 1999, № 11, с. 62-65.

В-третьих, низкий уровень такого показателя банковской надежности, как “норматив достаточности капитала (доля собственного капитала в общих активах, или “capital adequacy ratio”)”. По разным оценкам, только в 1999 г. Китай выпустил специальных казначейских обязательств на сумму от 30 (официальные расчеты) до 60 млрд долл. (оценки иностранных финансовых аналитиков) для того, чтобы довести этот показатель по четырем крупнейшим банкам до уровня 6%, рекомендованного ОЕСР для стран-членов этой организации. Для того, чтобы повысить его до 10%, т.е. до уровня, считающегося приемлемым для развивающихся государств, – Китаю потребуется порядка 100 млрд долл. (около 10% ВВП Китая).

В-четвертых, высокие затраты на рабочую силу и небольшая производительность труда в китайских банках. В банковском секторе Китая, в 150 тыс. банков и их отделений, занято 1,7 млн работников. По показателю “отношение активов к числу занятых”, порядка 750 тыс. долл., Китай отстает от всех стран мира. Четверка наиболее крупных китайских банков тратит на оплату труда банковских служащих от 85 до 90% своих доходов.

Другими слабыми элементами китайской финансовой системы являются:

- отсутствие свободной торговли национальной валютой (за исключением экспортно-импортных операций);
- поддержание по существу привязанного к американскому доллару курса юаня за счет валютных резервов, объем которых, впрочем, является одним из самых больших в мире (150 млрд долл.);
- ограничения на приток иностранных портфельных инвестиций: в Китае существует разграничение фондового рынка на два сегмента, на главный из которых иностранные инвесторы не допускаются. По объему капитализации соотношение между двумя рынками акций – серии “А” (только для китайских инвесторов) и серии “Б” (только для иностранных инвесторов) составляет 9:1;
- сложная многодневная процедура вывоза иностранцами капиталов из страны (за исключением платежей по текущим операциям).

Дополнительную проблему для Китая представляет собой финансовая система Гонконга, играющая роль связующего моста между китайской экономикой и мировым финансовым рынком и к тому же весьма развитая и открытая по международным стандартам. Поддержание в равновесии фондового и валютного рынка Гонконга жизненно важно для Китая. И несмотря на собственные большие валютные резервы (порядка 100 млрд долл.) этого нового особого административного района Китая, решение данной задачи требует от Пекина постоянного внимания к развитию финансовой ситуации в Гонконге и определенных фи-

нансовых затрат, необходимых для того, чтобы защитить гонконгский доллар от периодических атак международных финансовых спекулянтов.

Вместе с тем, именно соответствие недостаточно развитой финансовой системы Китая недостаточно свободным рыночным отношениям и обусловленная этим закрытость китайских фондовых рынков от внешнего мира, государственная опека ведущих банков и отсутствие свободной торговли валютой позволили Китаю не попасть под прямые удары Азиатского финансового кризиса. Слабо развитая, по современным меркам, финансово-банковская система Китая не допустила в дни апогея азиатского финансового кризиса катастрофического оттока из страны спекулятивного капитала и обвала китайской банковской системы с тяжелейшими социальными последствиями, связанными с неизбежной волной протестов со стороны частных вкладчиков. Эта система оказалась в состоянии предотвратить девальвацию юаня и позволяет до сих пор не прибегать к ней. Последнее обстоятельство имеет для Китая большое политическое и экономическое значение. Устойчивость китайской валюты на фоне девальвации национальных валют в странах-соседях по региону, безусловно, подорвала позиции китайских экспортеров на азиатских и мировых рынках. Но, с другой стороны, твердость Китая в поддержании стабильного курса юаня и его усилия по поддержанию гонконгского доллара повысила политические акции страны в регионе. Политический выигрыш ценой краткосрочных экономических издержек помог Пекину заручиться региональной поддержкой при решении вопроса о вступлении страны в ВТО, что обеспечит Китаю в ближайшие годы дополнительные 2-3 процентных пункта среднегодовых темпов прироста ВВП и 25-26 процентных пунктов прироста национального экспорта.

Вместе с тем, азиатский финансовый кризис более рельефно поставил вопрос о необходимости реформирования китайской финансовой системы. Китайскому руководству стало ясно, что при существующей слабости китайских банков открытие финансовой системы внешнему миру опасно повторением азиатского кризиса, но уже на китайской территории. С другой стороны, без большей степени финансовой открытости и без финансовой либерализации трудно рассчитывать на массивный приток новых иностранных инвестиций. Вывод был сделан весьма логичный: чтобы открыться, надо укрепиться, т.е. избавить финансовую систему от ее ключевых проблем – тормозов развития.

Происходящее в современном Китае реформирование финансово-банковской системы преследует **две главные цели**: укрепление самой этой системы для ее дальнейшей либерализации и поддержание соответствия между банковской системой и проводимой политикой в реальном секторе экономики. Здесь можно выделить следующие ключевые ходы:

1. Усиление позиций и реформирование работы Народного Банка Китая (НБК), китайского центробанка. В Китае предполагают превра-

тить со временем НБК в подобие американской Федеральной Резервной Системы. НБК надеется строже наблюдать за операциями коммерческих банков через сеть своих недавно укрупненных региональных отделений, обеспечив последним независимость от местных органов власти. Двумя первоочередными задачами НБК являются дерегулирование режима установления процентных ставок и эффективное проведение политики в отношении формирования процентных ставок.

2. Повышение надежности и эффективности работы четырех главных государственных банков. В целях снятия с них нагрузки по кредитованию затратных государственных финансовых проектов и нерентабельных государственных предприятий в Китае были созданы три так называемых “политических банка”, задачей которых стало финансирование реальной экономики за счет в основном бюджетных средств. Образуются также специальные финансовые “агентства по управлению активами”, которым передаются невыплаченные госпредприятиями кредиты “большой четверки” государственных банков. Последние тем самым освобождаются от тяжелого бремени неплатежей. Агентства же должны будут заниматься реструктуризацией и продажей “плохих кредитов”. К началу 2000 г. им уже передана примерно треть просроченных кредитов. Таким образом, реструктуризация плохих долгов происходит в Китае по существу за счет государственных средств, увеличивая бюджетонагрузку на госбюджет.

3. В целях поощрения развития частного предпринимательства китайские власти стимулируют создание в стране частных банков. На повестке дня вопрос о либерализации фондового рынка, необходимой для увеличения притока иностранных портфельных инвестиций.

4. Для стимулирования внутреннего спроса в Китае предпринимаются попытки побудить вкладчиков тратить свои сбережения. Проценты по депозитам в последнее время существенно снижены, в августе 1999 г. объявлено о введении налога на проценты по вкладам. Создается система кредитования частного жилищного строительства. Приобретение жилья китайскими гражданами за счет использования части из 600 млрд долл. на частных депозитах видится властям путем решения двух глобальных проблем в комплексе: проблемы ликвидности и жилищной проблемы.

5. Важнейшим компонентом реформы банковской системы является введение института представителей государства в финансовых структурах, осуществляющих контроль как за использованием государственных активов, так и за распределением прибыли и потоками наличных средств. По китайским оценкам, это позволило сэкономить в 1999 г. порядка 3,5 млрд долл. государственных средств.¹

Провозглашение реформ банковской системы и системы государственных промышленных предприятий еще не означает их успех. Одна

¹ “South China Morning Post” March, 23, 2000.

из проблем в том, что, исходя из принципа адекватности финансового и реального секторов экономики, реформы фактически требуют усиления роли частного предпринимательства при соответствующем уменьшении реальной власти государственных административно-бюрократических структур и, следовательно, ослаблении социально-политического статуса возглавляющих их людей.

Отвечая на вопрос о возможности или невозможности ускоренного реформирования китайской экономики на путях приватизации и либерализации, необходимо учитывать следующие три решающих обстоятельства: отсутствие в Китае крупного частного капитала, внушительный “денежный навес” из банковских вкладов частных граждан и политико-идеологические факторы.

Отсутствие крупного частного капитала не позволяет провести приватизацию государственных предприятий по наиболее рациональному сценарию – путем продажи государственной собственности новым владельцам. Тот же вариант приватизации, при котором руководство предприятий по сути административным путем превращается в их владельцев, как показал российский опыт, не ведет к повышению производственной эффективности. Выходом из положения может стать капитализация государственной собственности за счет более массового выпуска акций государственных предприятий на фондовый рынок. Однако при этом Китай столкнется с необходимостью не только найти веские аргументы для того, чтобы побудить частных граждан сменить форму размещения своих сбережений с банковского депозита на акции, но и облегчить доступ иностранных покупателей на фондовый рынок, на котором реализуются приватизационные цели.

Решение первой задачи потребует времени и немалых усилий по дальнейшему развитию рынка акций в стране, в частности допуска на вторичный рынок акций государственного пая, что пока еще не сделано. Решение второй – большей финансовой открытости, чреватой ростом конкуренции и, соответственно, усилением сомнений в национальной финансовой неуязвимости, или, как теперь модно говорить, в степени финансовой безопасности.

Устранение “денежного навеса” теоретически очевидно: надо сделать так, чтобы одна его часть пошла на формирование потребительского спроса, а другая превращалась в капиталовложения, которые бы обеспечили предложение товаров и услуг под растущий спрос. Практически, однако, механизмы реализации такого теоретического рецепта еще не запущены. Доверие китайцев к национальной банковской системе держится пока на доверии государству. В этом смысле именно государственные банки обеспечивают стабильность системы, хотя и тормозят ее свободно-рыночное развитие. Последовательное осуществление рыночной логики и банкротство нерентабельных государственных предприя-

тий, имеющих большие долги перед государственными банками, при одновременной приватизации государственных банков создало бы угрожающую ситуацию. Приватизированные банки, продолжая аккумулировать огромные вклады населения и продолжая в то же время выступать в роли кредиторов государственных предприятий без надежды на возврат долгов, столкнулись бы с серьезным кризисом ликвидности. При этом прошлое доверие населения к государственным банкам вряд ли может быть перенесено на приватизированные банковские структуры. Последнее обстоятельство чревато бегством денег из банков и неспособностью приватизированных банков расплатиться по долгам перед частными вкладчиками.

Поэтому, прежде чем начинать радикальную приватизацию в банковской и промышленной сфере, Китаю необходимо, во-первых, “очистить” главные государственные банки от “плохих” кредитов, что, как мы показали, уже начинает делаться. Во-вторых, принять меры по стимулированию частного спроса и частных инвестиций. В-третьих, вероятно, создать альтернативу национальным банкам в лице западных банков, которым были бы даны равные с национальными банками права в процессе работы по превращению сбережений населения в инвестиции.

В политико-идеологическом контексте радикальная приватизация и либерализация, гипотетически, могут вызвать коренное перераспределение национального богатства в пользу частного капитала и в ущерб правящим партийно-государственным структурам. **Пока эту проблему в Китае решают на основе известного теоретического постулата о разделении политики и экономики, т.е. о проведении рыночных экономических преобразований при сохранении политической власти в руках компартии.** И пока именно партия выступает в роли источника реформаторской экономической инициативы. Это относится и к выработке экономической политики, и к принятию соответствующего законодательства.

Когда же и если реформаторская экономическая инициатива перейдет в руки частного бизнеса, это потребует либо изменения действующей политической и законодательной системы, либо приведет к тому, что при существующей политической и законодательной системе частный капитал будет реализовывать свои интересы коррупционным путем. Постепенное вращивание гонконгской экономики со своими сложившимися частнокапиталистическими интересами в социалистическую политическую систему Китая только ускорит этот процесс.

Вне зависимости от того, как будет Китай решать проблемы либерализации государственной промышленности и банковской системы – радикально или постепенно – он неизбежно подойдет к тому моменту, когда принцип разделения политики и экономики уже не сможет работать с прежней результативностью. Представляется, что нынешнее китайское руководство не готово пока, – причем не только по психологиче-

ским, но и объективным (большое и в массе пока еще бедное население) причинам – заменить этот принцип на иной: адаптации политической системы – пока по существу однопартийной – к частнокапиталистической экономике. Отсюда следует, что **вероятнее всего дальнейшие преобразования пойдут медленнее и с большими затяжками, чем шли китайские реформы до сих пор.**

Как ни парадоксально, **вероятное скорое вступление Китая в ВТО также может скорее замедлить реформы, чем подтолкнуть их.** Вступление в ВТО и ожидаемая вслед за этим 20-30%-ая девальвация юаня – после решения вопроса о ВТО Китаю не будет нужды жертвовать экономикой ради политики и удерживать стабильный курс юаня – ускорят в течение нескольких лет рост китайского экспорта и ВВП. После исчерпания данного фактора роста вопрос о реформах встанет вновь. И если к тому времени не будут достигнуты успехи в расчистке “плохих кредитов” и капитализации сбережений, то ситуация для финансовых реформ будет скорее всего хуже, чем сейчас. Ведь без реформ долги госпредприятий будут расти, а “денежный навес” увеличиваться.

Аграрные реформы. Реформа аграрной сферы китайской экономики рассматривается руководством страны под углом обеспечения продовольственной безопасности Китая. Реформа села в конце 70-х – начале 80-х годов дала первоначальный толчок китайским экономическим реформам, именно гарантировав первичный уровень продовольственной безопасности, или, проще говоря, – накормив людей.

Вместе с тем, аграрная экономика Китая остается и в экономическом, и в социальной аспекте наименее развитой и наименее эффективной сферой китайской экономики. После вступления Китая в ВТО именно сельское хозяйство страны окажется в наиболее трудном положении. Некоторые эксперты даже прогнозируют крах аграрной экономики, которая не сможет конкурировать с либерализованным сельскохозяйственным импортом.

Реформа села в Китае началась с обеспечения материальной заинтересованности китайского крестьянина в результатах своего труда.¹ На первом этапе реформы (1978-1985 гг.) в Китае была введена система земельного подряда, предоставившая крестьянскому двору право хозяйственной самостоятельности. При сохранении государственной собственности на землю крестьянин получал в пользование бесплатно и сроком на 15 лет надел земли, выделенный из общего массива земли, находившейся до того в собственности коллективного хозяйства. С 1994 г.

¹ Подробнее см. научные доклады Л.Д. Бони “Некоторые стороны опыта экономической реформы в китайской деревне, которые бы могли бы быть востребованы при реформировании российского сельского хозяйства”, М., ИДВ РАН, 2000, и И.Н. Коркунова “Обеспечение продовольственной безопасности КНР”, М., ИДВ РАН, 2000.

срок подряда на землю продлен еще на 30 лет, а на целинные земли – до 50-70 лет.

На втором этапе реформы (1985-1992 гг.) крестьянину был практически полностью открыт выход на рынок сельхозтоваров. Произошла полная либерализация цен на многие виды продукции, были многократно повышены государственные закупочные цены, система плановых государственных закупок была заменена закупочными контрактами с существенным сокращением объема госзаказа на зерно.

На третьем этапе реформы (1993-2000 гг.) акценты делаются на внедрение гибких гарантированных государством закупочных цен, на рационализацию системы закупок излишков сельскохозяйственной продукции, устанавливается верхний предел цен на поставляемые селу материальные ресурсы.

Интересен дифференцированный подход китайских властей к темпам аграрной реформы в зависимости от уровня развития и хозяйственных условий того или иного района страны. Китайское руководство не форсирует роспуск коллективных хозяйств и процесс передачи земли в аренду. Так, Сунаньская модель аграрной реформы отличается сохранением и преобладанием коллективных форм хозяйствования, Вэньчжоуская – доминированием частных хозяйств, а Чжуцзянская – сочетанием коллективной формы хозяйствования с активным проникновением частного иностранного капитала.

Крестьяне самостоятельно имеют право принимать решение о том, какая форма хозяйствования им больше подходит. При этом, однако, их права на землю остаются ограниченными. Имея возможность продать право аренды земли, крестьяне не могут продать саму землю, остающуюся государственной собственностью. Более того, новый арендатор, заплативший прежнему за покупку права аренды, не может использовать землю не по сельскохозяйственному назначению.

В 2000 г., в преддверии вступления Китая в ВТО, начинается новый этап аграрных реформ. Его цель – ослабить налоговое давление на крестьян. В первую очередь со стороны местных органов власти. И тем самым повысить конкурентоспособность китайского сельского производителя по сравнению с продавцами импортной сельхозпродукции. Проблема состоит в том, что в Китае за годы реформ в значительной мере деформировалась вертикаль власти, связывающая крестьян с Центром. Власти среднего и мелкого звена, помимо коррупционного аспекта, постоянно усиливали легальные поборы крестьян, направляя изымавшиеся средства на развитие местных систем образования, здравоохранения и т.п. Суть нынешней реформы в отмене платежей, которые крестьяне должны были делать в местные бюджеты, и их замена единым федеральным сельхозналогом.

Подобные шаги, наряду с попытками продвинуть в аграрную сферу научно-технические достижения, могут в какой-то степени облегчить жизнь китайским крестьянам и на том или ином участке повысить эффективность сельскохозяйственного производства. Однако коренная проблема китайской аграрной экономики, делающая эту сферу хозяйства наиболее стратегически уязвимой, остается. Ведь даже если за счет эффективной налоговой и технологической политики Китая удастся резко повысить эффективность экономики села и довести ее конкурентоспособность до мирового уровня, это приведет к высвобождению сотен миллионов крестьян, для обеспечения которых работой потребуются новые десятки или сотни миллиардов долларов капиталовложений.

И здесь возникает парадоксальная ситуация, “китайский парадокс”, если угодно. Консервирование аграрной отсталости на какое-то стратегически значимое для китайских реформ время больше отвечает целям повышения общеэкономической эффективности, чем прорыв в росте производительности труда в сельском хозяйстве. Последний чреват повышением сверх критического уровня давления на китайский рынок труда с негативными последствиями для той же экономической эффективности. Парадокс объясняется главной специфической особенностью Китая – огромным, более чем миллиардным, населением, три четверти которого живет в деревне.

НОВЫЕ КОРРЕКТИРОВКИ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

В свете сказанного логика эволюции модели социально-экономического развития Китая представляется в следующем построении. Реформа командно-распределительной экономики в направлении рынка привела к появлению новых проблем, обусловленных уже рыночной логикой. Их решение требует вносить коррективы в практическую экономическую политику, двигаясь по пути укрепления рыночных начал и расширения сферы действия негосударственной экономической инициативы. Данные коррективы изменяют и саму экономическую модель китайских реформ.

Ключевыми новыми компонентами эволюционирующей китайской модели являются, во-первых, попытка перейти от экстенсивных к интенсивным факторам производства. В стратегии модернизации делается смена акцентов: цели обеспечения внутренней социально-политической стабильности и укрепления международных позиций Китая должны достигаться уже не просто за счет высоких темпов роста, а за счет высоких темпов на основе качественных изменений в китайской экономике. В этих целях начата реформа государственной промышленности и государственных финансов, структурные приоритеты все очевиднее сдвига-

ются в сторону наукоемкого производства. А, во-вторых – качественно новый подход к использованию внешних факторов экономического роста. Китай уже не просто “открывает” свою экономику, как в первые два десятилетия реформ, а по существу встает на путь ее интеграции в региональную, азиатско-тихоокеанскую, и мировую экономику. Здесь необходимо выделить нацеленность Китая на вступление в ВТО и готовность, пока, правда, лишь декларированную, к многостороннему интеграционному сотрудничеству в АТР и Северо-Восточной Азии.

К другим новым слагаемым китайской реформы, вытекающим из рассмотренных выше конкретных проблем китайской экономики в начале нового тысячелетия, относятся:

- развитие производственной инфраструктуры и освоение новых западных земель – как средство оживить частную хозяйственную инициативу в экономически отсталых регионах за счет бюджетных расходов;

- создание крупных корпораций, по образцу южнокорейских чэ-боль, для повышения уровня конкурентоспособности китайской экономики на мировых рынках;

- реформа ВПК путем создания корпораций, которые могли бы производить параллельно высокотехнологичную военную и гражданскую продукцию;

- стимулирование внутреннего потребительского спроса;
- попытка освободить госпредприятия от плохих кредитов, опять же за счет бюджетных средств;

- подготовка к приватизации финансовой сферы;
- подготовка к участию в региональных, прежде всего в Северо-Восточной Азии, интеграционных начинаниях;

- придание частному предпринимательству равных с хозяйственной государственной деятельностью и узаконенных в конституции прав;

- все более акцентированная ставка на использование научно-технического прогресса как главного фактора экономического роста.

Для теоретического обоснования нового экономического маневра в Китае разворачивается обсуждение различных вариантов концепции “экономики знаний”. Интерес к новой волне постиндустриализма в Китае вызван, как представляется, во-первых, в прагматическом плане, тем, что данная концепция позволяет обосновать необходимость усиления роли информации и научно-технического компонента в реформировании экономики и модернизации вооруженных сил КНР. Во-вторых, в идеологическом контексте, обращение к постиндустриальным теориям позволяет в какой-то степени деидеологизировать процесс осмысления конкретных проблем, с которыми сталкивается китайское общество внутри страны и Китай на международной арене, и искать варианты решения этих проблем вне рамок концепции “китайского социализма”, не

отвергая сходу в то же время саму идею “социализма с китайской спецификой”.

Важным компонентом эволюционирующей модели остается идейно-политический аспект экономических реформ. КПК не отказывается от монополии на политическую власть и идеологическое “воспитание”, но, вместе с тем, не препятствует плюрализму идей и мнений в рамках, не затрагивающих собственно незыблемость власти компартии. Обратной стороной внутрипартийного плюрализма является ужесточение на рубеже веков борьбы КПК с идеологическими противниками и сепаратистскими движениями.

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Повышая и качественно усиливая роль внешних факторов экономического развития, Китай не может не реагировать на вызовы экономической глобализации.

Китайское руководство в целом двойственно относится к экономической глобализации и азиатскому регионализму. С одной стороны, Китай стремится использовать экономическую глобализацию и концепции открытого регионализма для решения внутренних экономических и финансовых задач, вытекающих из курса реформ. Прежде всего – получить выход на товарные рынки развитых стран, доступ к их капиталам и современным технологиям. Практической целью номер один в области политики Пекина в отношении экономической глобализации является стремление как можно быстрее вступить в ВТО.

Серьезным стимулом, подтолкнувшим Китай к более активному участию в процессах экономической глобализации и азиатского регионализма, стал азиатский финансовый кризис. Пекин увидел угрозу распространения кризиса на китайскую экономику и опасность повторения азиатского финансового кризиса. Увидел и поспешил объявить о своей готовности к международному сотрудничеству, направленному на предотвращение подобных явлений.

С другой стороны, Китай, как и многие менее развитые страны, втягиваемые сегодня в экономическую глобализацию, рассматривает глобализацию прежде всего как возможность получить от развитых стран дополнительные импульсы к развитию, возможность “справедливо” перераспределить финансовые и интеллектуальные ресурсы развитых стран в пользу развивающихся. При этом вопрос об обратной стороне глобализации – необходимости “делиться” суверенитетом, остается без адекватного решения. Китай не установил пока рамки, в которых он был бы готов делегировать часть национальных полномочий международным экономическим институтам – чего объективно требуют процессы интернационализации хозяйственной жизни на региональном и глобальном уров-

нях. В этом, пожалуй, состоит главный вызов глобализации, на который Китай должен будет дать ответ.

На саммите АТЭС в Куала-Лумпуре (1998 г.) Пекин выступил с тремя предложениями к азиатско-тихоокеанскому сообществу, которые можно рассматривать в качестве основы китайской концепции азиатского регионализма:

- усилить региональную кооперацию с тем, чтобы предотвратить распространение азиатского финансового кризиса и создать необходимую инфраструктуру для восстановления экономик, пострадавших от кризиса;

- создать – через международный диалог и консультации – новую мировую финансовую систему, которая бы сочетала интересы развитых и развивающихся стран и обеспечивала безопасность операций на финансовых рынках;

- а с другой стороны – “уважать независимый выбор странами или регионами своих собственных путей преодоления кризиса”.

Развивая идеи азиатско-тихоокеанской экономической и финансовой кооперации, Пекин, вслед за другими развивающимися странами, делает акцент на ответственности развитых стран за мировую финансовую стабильность и на необходимости “уменьшения разрыва между развитыми и развивающимися странами и обеспечении их общего процветания через экономическое сотрудничество”.¹

Признавая глобализацию “объективной реальностью” и призывая “адаптироваться к глобализации, а не просто бояться ее”², китайские аналитики подчеркивают, что именно развитые страны “получают больше преимуществ от глобализации”³.

По всей видимости, Китаю еще предстоит пройти не простой путь согласования своих представлений о регионализации и глобализации с представлениями, утверждающимися в развитых странах-партнерах Китая.

Еще одной чертой китайской концепции азиатской регионализации является **осторожность** – внешняя сторона принципа градуализма. Осторожность просматривается в конкретных предложениях Китая о формах регионального финансового взаимодействия. Инициировав диалог по проблемам финансового сотрудничества стран АСЕАН, Японии, Южной Кореи и Китая, Пекин вместе с тем изначально ограничил такое общение уровнем заместителя министра финансов, резервируя для себя право не спешить с принятием обязательных решений.

¹ “China Daily”, November 11, 1998.

² Wang hexing, “Perspectives on the Economic Globalization in the Light of Asian Financial Turmoil”, in “International Studies”, China Institute for International Relations, China Foreign Ministry, 1998, N 8-9, p. 5.

³ Yuan Jian, “The Challenge of Globalization”, in “International Studies”, China Institute for International Relations, China Foreign Ministry, 1999, N 3-4, p.2.

Осторожность характерна и для реакции Китая на идеи формирования новой валютной системы в Азии. Китай сдержанно отреагировал на предложение Малайзии о создании новой азиатской валюты – как альтернативы доллару. Приветствовал введение евро в контексте “формирования многополярной международной финансовой системы” и признавая, гипотетически, возможность превращения японской йены в “базовую азиатскую валюту в наступающую эру валютной регионализации”, Пекин, вместе с тем, не спешит аккумулировать евро и йены и продолжает рассматривать именно американский доллар в качестве главной резервной, расчетной и инвестиционной валюты Китая.

Осторожность в подходах Пекина к финансовой регионализации объяснима. Нынешняя банковская и финансовая система Китая пока не отвечает тем международным и азиатским стандартам, которые позволяют говорить о возможности синхронизации финансовой политики стран АТР и Китая. Реформа же банковской системы в Китае идет медленно и не дает оснований утверждать, что китайская финансовая система уже готова к региональной кооперации.

События в Косово создали новый, можно сказать “философско-политический” вызов Китаю в свете проблем глобализации. Кризис в Косово вызвал недоверие к западным партнерам, озабоченность тем, а не повторит ли Запад “югославский сценарий” в отношении таких болезненных для Пекина политических проблем, как проблемы Тайваня и Тибета. Кризис обострил восприятие Китаем вопроса о соотношении прав человека и национального суверенитета и усилил неприятие самой идеи “делиться суверенитетом” – одного из требований глобализации и регионализации. Одновременно с этим в Китае начинается процесс переосмысления концепции национальной безопасности и стратегических приоритетов в направлении усиления позиций военных компонентов национальной безопасности. Обострение отношений с США в связи с бомбардировкой китайского посольства в Белграде объективно сыграло на руку консервативным кругам в китайском руководстве, рассматривающим глобализацию мировой экономики и развитие азиатского регионализма исключительно в негативном контексте – как вмешательство внешних сил во внутренние дела Китая.

С другой стороны, у китайско-американских отношений есть пределы для ухудшения – пределы, обусловленные взаимными экономическими интересами, прямым следствием экономической глобализации. Заключенные в конце 1999 г. американо-китайские соглашения по торговым вопросам и по вопросу возмещения американской стороной ущерба, нанесенного Китаю бомбардировкой китайского посольства в Белграде, как раз и показывают, что ни Китай, ни США не намерены “перешагивать” через эти пределы ухудшения двусторонних отношений.

Наиболее показательным изменением в подходе Китая к поиску своего места в глобализирующейся экономике стали итоги ноябрьского

(1999 г.) саммита в Маниле по формуле АСЕАН плюс три (Япония, Китай, Южная Корея). Историческое значение этого саммита состоит в том, что на нем впервые на столь высоком уровне, пусть и в постановочной форме, была представлена схема развития азиатского регионализма – таможенный союз стран АСЕАН и трех стран Восточной Азии, далее – общий рынок стран АСЕАН и трех стран Восточной Азии, далее – единая валюта и единая экономика. С точки зрения нашего анализа китайской модели развития, интерес представляет то, что Китай, тоже впервые и на таком уровне, согласился участвовать в развитии многосторонней экономической интеграции, к чему раньше китайские лидеры относились весьма и весьма осторожно.

Конечно, пока Манильские заявления не более, чем декларации о намерениях, однако они дают определенное представление о том, каким путем может развиваться экономическая интеграция в АТР, о том, какое место в этом процессе может занимать Китай. А также заставляют и Россию более определенно реагировать на современные тенденции в АТР.

Главным выводом из анализа места китайской экономики и китайских реформ в экономической глобализации может быть утверждение о переходе китайской политики открытости, как одного из ключевых компонентов китайской модели развития, в новое качество. Китай не просто готов привлекать иностранные капиталы и осваивать заморские рынки, но и считает, пусть и не провозглашая официально это в такой трактовке, свое участие в региональных и глобальных интеграционных процессах важнейшим условием осуществления реформ. **Политика открытости, таким образом, постепенно начинает преобразовываться в политику интеграции в существующие мировые и зарождающиеся азиатские экономические объединения.**

ЛОВУШКИ ДЛЯ КИТАЯ

Переход к новой модели социально-экономического развития Китая – от экстенсивных факторов и открытости к интенсивным факторам и интеграции в глобализирующуюся мировую экономику – ставит перед Китаем своего рода экономические и политические ловушки. Кратко суммировать их можно было бы следующим образом.

Первая ловушка – финансовая. Как избавиться от плохих кредитов и нерентабельных государственных банков, как подтолкнуть рост внутреннего спроса и освоить новые малонаселенные и неразвитые экономические районы и при этом, (а) сохранить “командные высоты” в руках государства и (б) не превысить той величины дефицита госбюджета, за которой может быть поставлена под вопрос финансовая стабильность страны?

Вторая ловушка связана с вопросом, как повысить эффективность госпредприятий и избежать всплеска безработицы?

Третья ловушка – внешнеэкономическая. Насколько будет готово китайское руководство допустить на деле усиление контроля иностранного капитала – после вступления Китая в ВТО – над сферой финансовых услуг? Насколько оно будет готово поделиться финансовой властью с иностранцами и при этом сохранить способность компартии Китая и государственной власти определять стратегические направления развития китайской экономики?

Четвертая ловушка – интеграционная. Пока лишь “маячащая” в неясных контурах будущей азиатской интеграции. И тем не менее: каково будет отношение Китая к перспективам финансовой интеграции региона? Будет ли Пекин готов на деле признать йену в качестве основы будущей единой азиатской валюты? Или будет противодействовать этому, выдвигая альтернативные варианты, в том числе и на основе китайского юаня?

У этой ловушки есть и еще один аспект. Успех китайских реформ во многом будет зависеть от успеха адаптации Китая к региональной экономической интеграции и от учета и успешной адаптации требований глобализации и регионализации к внутренней стратегии экономического развития Китая. Шанс избежать этой ловушки связан со способностью Китая **найти баланс, “сформулировать компромисс” между национальными и региональными экономическими интересами.** Дело это для Пекина пока весьма сложное – пока в китайской экономической модели доминирует исключительно национальный интерес.

Пятая ловушка – политическая. Можно ли дальше идти по пути реформ, исповедуя принципы “социализма с китайской спецификой”, т.е. рыночной и интегрирующейся экономики при монополии компартии на политическую власть? И если в краткосрочном плане ответ на этот вопрос определенно выглядит положительным, то в среднесрочной и долгосрочной перспективе – по мере концентрации частного капитала в Китае, роста среднего класса и прихода нового поколения китайских политиков с сильными потребностями в плюрализме идей и демократической процедуре выборов властей – ответ уже не представляется столь однозначным.

Наконец, шестая ловушка – внешнеполитическая. Раздражителем здесь может стать Тайвань. Однозначно негативное отношение к проблеме суверенитета Тайваня, угрозы применить военную силу, если Тайвань не согласится на объединение с Китаем до 2005-2007 гг.¹, ухудшают внешнеполитический имидж Китая и осложняют его отношения с США и странами Запада. С другой стороны, Китай не может отказаться от требования объединения с Тайванем, т. к. отказ от идеи объединения может рассматриваться как прецедент, способный дать толчок сепаратистским движениям в других частях Китая – в Тибете, Синьцзяне, и ослабить международные позиции Китая. Выбор между экономическим

¹ “South China Morning Post” January, 23, 2000.

прагматизмом и национально-государственной политической логикой вряд ли будет делом простым и безболезненным.

Таким образом, эволюция китайской социально-экономической модели, осуществляемая вслед за появлением реальных экономических проблем и реакцией на них (их решением) китайского государства, приводит к появлению новых реальных или прогнозируемых проблем, требующих в свою очередь новых корректив политики модернизации и китайской модели социально-экономического развития. Корректив, вовсе не однозначно “обреченных на успех” лишь потому, что в их основе лежит китайский прагматизм и китайская постепенность.

УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Когда в России российским реформаторам ставят в пример успехи китайской модернизации, чаще всего обращают внимание на такие компоненты китайской экономической модели, как постепенность ломки командно-распределительной системы, сбалансированность реформ в разных секторах экономики, творческое применение иностранного опыта, ставка на интеграцию в мировую экономику при соблюдении национальных интересов, развитие научно-технического прогресса и нефорсирование политической реформы и т. п. В принципе – это рекомендации весьма тривиальные и естественные. И, видимо, как раз в том, что Китай следовал тривиальным идеям и естественному пониманию собственных реалий, и заложены успехи китайской реформы.

И в то же время китайский опыт в какой-то своей части мог бы быть сегодня полезен России, если бы она оставалась такой, какой была в 1991 году, накануне “шоковой терапии” и форсированной приватизации. Сегодня Россия другая – и произошедшие в нашем обществе и нашей экономике изменения требуют иного взгляда на китайский путь реформ. Что может дать опыт экономической модернизации Китая России образца 2000-го года?

Градуализм в маркетизации социалистической экономики и трансформации политической системы? – Безусловно, нет. Время для такой постановки вопроса в России ушло. Необходимость адаптации к экономической глобализации и регионализации? – Наверное, да. Однако здесь Китай скорее лишь делает пока заявления о намерениях, чем дает примеры эффективных действий. Хотя, конечно, вступление Китая в ВТО эффективно заставляет и Россию идти тем же путем – хотя бы для того, чтобы выровнять внешние условия развития своей экономики с китайскими. Ведь Китай не только наш геополитический сосед, но и перспективный торговый партнер и конкурент в борьбе за мировые товарные рынки и иностранные капиталы.

Более интересным представляется опыт создания финансовых основ китайской модели рыночной экономики. Однако, опять же не в смысле копирования. Китайские финансы вряд ли могут служить идеалом для нас. По формальным признакам – степень открытости, либерализации, развитости финансовых институтов и т.п. – российская финансовая система до 17 августа 1998 г. выглядела более развитой, чем китайская. Проблема, однако, в том, что российская финансовая экономика была оторвана от экономики реальной. Это, с одной стороны, спасло последнюю от тяжелых последствий финансового обвала 1998 года. Однако, с другой – не позволяло реальному сектору нормально развиваться, высасывая капитальные ресурсы с рынка реальных инвестиций в пользу спекулятивного финансового интереса.

В этом контексте главный урок китайского опыта для России состоит в необходимости поддержания соответствия между финансовой и реальной сферами национального хозяйства. Вывод, опять же, весьма банальный, однако в 90-е годы в России его почему-то не делали, шараясь из одной крайности в другую – от “спекулятизации” российских финансов до трактовки некоторыми экономистами-государственниками финансов как второстепенного элемента рыночной экономики.

Сегодня разница между Россией и Китаем, помимо прочего, состоит и в том, что России надо **привести в соответствие** финансовый и реальный сектора экономики и научиться обеспечивать их адекватность в ходе дальнейших реформ. Китаю же придется решать другую задачу – **сохранения соответствия** между финансовой и реальной экономикой, а также готовиться к **новому вызову** – обеспечению соответствия между рыночной, т.е. в значительной мере частнокапиталистической экономикой, к которой ведут Китай экономические реформы, и государственно-социалистической политико-законодательной системой. При этом неудача будет более болезненно ощущаться китайским населением, привыкшим за два десятилетия реформ к постоянному улучшению социально-экономических условий жизни, чем в России, долгое время пребывавшей в длительной фазе экономического спада.

Китайский опыт интересен для нас и в контексте распространенной ныне концепции о том, что государство должно создавать условия развития и правила игры, а частный бизнес должен обеспечивать экономический рост. Ссылаются при этом и на опыт послевоенной Германии, и Японии, и Южной Кореи. Вопрос, однако, в том, что значит “создавать условия”. Ведь очевидно, что содержание действий по “созданию условий” зависит от конкретной экономической ситуации в стране. Россия, пойдя на шокотерапевтические методы в начале 90-х и уничтожив все сбережения населения, разве создала условия для развития частного капитала? Или приватизация железнодорожного транспорта, системы подачи электроэнергии – разве создают такие условия? И не интересен ли

китайский опыт тем, что Китай, сохранив, пусть и с бюджетными издержками, командные высоты в руках государства и защитив сбережения населения от обесценивания, сумел тем самым создать условия для частного бизнеса?

Данный тезис было бы неверно понимать в том плане, что России необходимо копировать конкретные китайские решения. Если что и копировать – так это принцип: определять соотношение между полномочиями государства, создающего правила игры, и частных игроков надо, исходя из конкретной ситуации. Опять банально, не так ли? А эта конкретная ситуация определяется в первую очередь “силой” продавца-производителя и покупателя. Есть ли у потребителей средства, чтобы платить за необходимые товары при данном уровне производительности труда и издержек? Есть ли у производителя возможности (инвестиционные, технологические), чтобы вписываться в лимиты потребителя? И если ответы на эти вопросы отрицательные, то – что надо сделать государству, чтобы обеспечить рыночную стыковку возможностей покупателя и продавца хотя бы по тем главным потребностям, которые в первую очередь (при существующей структуре производства) обеспечивают макроэкономические темпы роста? Однако, это уже вопросы к тем конкретным экономическим институтам, которые осуществляют наблюдение за российской экономикой.

Китайский опыт имеет и еще один важный аспект, делающий его интересным и ценным для России. Не обязательно с точки зрения применения “китайских рецептов”. Но с учетом международной и региональной экономической и политической роли Китая, как соседа России и как активного игрока на экономическом пространстве АТР.

Если встать на ту тривиальную точку зрения, к слову сказать разделяемую сегодня в Пекине, что развитие России без использования внешнего фактора (т.е. без встраивания России в процессы глобализации и регионализации и без учета этих процессов в экономической стратегии России) невозможно, то первостепенное практическое значение для России и российских реформ приобретает постоянное и углубленное отслеживание и анализ того, как ведет себя и как будет вести себя Китай в нарождающихся региональных интеграционных процессах. Насколько он может быть партнером, помощником, а в какой мере соперником России? Как может строиться российско-китайское взаимодействие с учетом глобализации и регионализма? Какую роль могут сыграть Китай и Россия в построении единой азиатской экономики? Китай, уже одним своим существованием и экономической динамикой, постоянно напоминает европоцентристскому стратегическому экономическому мышлению российских политиков о том, что Россия, в том числе, и азиатская страна. И что это обстоятельство должно обязательно учитываться в стратегии экономического развития России.

Т. Койчуев,

академик НАН Кыргызской Республики,
директор Центра экономических и социальных реформ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

В последнее время все чаще в философских, экономических, политических и социальных исследованиях стала проводиться мысль о глобализации общества, и, в частности, экономики. Однако какого-то определенного, устоявшегося, общепринятого понимания сути глобализации, как мне кажется, еще нет. Те, кто в числе первых стали оперировать этим понятием, вкладывали и вкладывают в него свой смысл, те, кто стали использовать его позднее, зачастую дают ему свою трактовку, причем не всегда углубляющую первоначальное понимание сути дела. Тем не менее в самом общем плане содержание этого понятия определилось, и очевидно, что оно выражает важный объективный процесс современного мирового развития. Глобализация – это качественно определенный этап развертывания тенденции усиления взаимосвязанности и взаимозависимости стран друг от друга. Как бы ни был противоречив этот процесс, как бы ни переплетались в нем позитивные и негативные стороны, следует признать, что он выражает прогресс человеческого общества, движение от одной его ступени к другой.

Такая констатация необходима, т. к. существуют мнения, согласно которым глобализацию интерпретируют всего лишь как стратегию мощных держав и транснациональных корпораций, как метод удержания в подчинении менее развитых стран и т. д. При таком подходе остается лишь уповать на самоизоляцию, которая может стать главным фактором консервации отсталости менее развитых стран.

Глобализация несет с собой одновременно и благо и зло. Она включает в себя обострение конкурентной борьбы, в которой преимущества на стороне более сильного, но она создает и возможности модернизации и укрепления позиций менее развитых стран, если они окажутся способными освоить новые резервы подъема национальной экономики, которые возникают при углублении международных экономических связей. Наконец, нельзя не обращать внимания и на то, что глобализация может и должна постепенно вести к совместным, согласованным решениям различных стран, к формированию того или иного общего интереса, базирующегося не в последнюю очередь на потребности лидеров мировой экономики в